

Когда в самом начале семидесятых в устье Качи построили новую шашлычную, мало кто из её посетителей помнил, что место это называлось «Старым базаром». Разве что старожилы и краеведы. Шашлычная быстро набрала популярность, впрочем, как и любое значное заведение в те времена, поскольку их катастрофически не хватало большому и весёлому городу. Уютная, удобная, почти в центре, и на бережок можно выйти, природой полюбоваться — спасибо власти за щедрый подарок. Шашлыки, кстати, были неважные, и, по утверждению остряков, делали их из собачатины, поскольку в соседней Покровке и «Кронштадте» бегали и плодились своры бесхозных псов. Если даже и так? Люди шли не столько на шашлыки, сколько на пиво, которое туда пусть и не каждый день, но завозили частенько.

Первое время в шашлычной можно было сидеть. Если приходила большая компания — занимала столик, сдвигала к нему свободные стулья, кто-то доставал из портфеля прихваченное «на всякий случай» нечто покрепче, и разговаривали основательно, так что другим посетителям сидячих мест не хватало. Хозяева быстро сообразили убрать стулья и заменить низкие столы на высокие, с маленькими круглыми столешницами. Пропускная способность заметно увеличилась. В хорошую погоду сполна использовалась и ничейная земля вокруг шашлычной. И стоящие поблизости заборы ещё не снесённых частных домишек служили моральным прикрытием для тех, кому приспичило, — народец-то непритязательный. В десяти минутах ходу стоял трест «Сибэнергоцветмет» — а это монтажники, наладчики и прочая беспартийная техническая интеллигенция. Чуть дальше — мединститут с оравой недисциплинированных студентов и аэропорт с уставшими после рейса лётчиками. Можно сказать, что любителям самого демократического напитка такое соседство было по душе. Разливное пиво в ту пору стоило двадцать четыре копейки, бутылочное — тридцать семь, а с наценкой заведения — сорок, и бутылку можно было сдать там же, в шашлычной. Правда, принимали не всегда и сдавали не все.

Возле каждой обжитой пивной точки обязательно обитал городской юродивый, которого знали по имени. На железнодорожном вокзале, помнится,

хозяйничал Коля. В шашлычной прижился Серёжа, плотный мужичок с густыми седыми патлами. Вроде и недоразвитый, но как-то усвоил, что стоять над душой и ждать, когда освободится бутылка, рискованно — за это можно было заработать окрик, чтобы не портил аппетита. Всегда выжидал в сторонке и хватал тару только после того, как её поставят на пол. Обменяв пустые бутылки на полную, он уже с чувством полноправного посетителя высматривал свободное место за столиком. Бутылки открывали о крюки, прикреплённые снизу к столешницам. И случилось, что Серёже не повезло — попалась плотно закатанная пробка. Он прилагивал её к крюку, дёргал, а она соскальзывала. Раз, другой, третий — бесполезно, пробка не поддавалась. Даже руку поранил. Увидел кровь и захныкал. Мужчина в лёгкой форме вальяжно подошёл к нему, забрал бутылку и попробовал открыть её обручальным кольцом — был в те годы модный трюк у самодостаточных мужиков, которых теперь принято называть «мачо». Хотел красиво, но не получилось. Тогда, уже без пижонства, попытался открыть край стола, и снова осечка. За ним наблюдала вся шашлычная. А отступать он явно не привык. Осмотрелся, увидел дверную ручку с плоской гранью, приладил пробку возле основания и резко ударил ладонью. Пробка не слетела, но откололась горлышко. Серёжа увидел, как оно катится по полу, и его хныканье перешло в истеричный вой. Публика, готовая засмеяться, быстро притихла, а Серёжа продолжал выть. Разрулил ситуацию всё тот же лётчик — потрепал блаженного по плечу и отдал бутылку со своего стола, демонстративно открыв её перед этим обручальным кольцом. Как писал Евтушенко, «ссорит нас водка, братцы, пиво сближает людей». И они сближались.

Всякое можно было услышать возле столиков: и горькую исповедь об измене жены, и якобы утешающее — мол, ничего страшного, я неделю как из командировки вернулся, а жену ещё ни разу не ублажил, потому что после работы сюда — мужики съехались, послушать охота и самому рассказать, домой возвращаюсь еле живой и засыпаю на диване, не успев снять штаны. За одним столиком — жалобы на дурного начальника, за другим — на вредную тещу, за третьим — на продажное

хоккейное судейство... В общем, нормальная атмосфера советской пивной.

Но продержалась шашлычная недолго. В восемьдесят втором году её снесли, а заодно с ней и деревянные домишки, стоявшие поблизости. Освободившуюся площадку быстро облагородили и воздвигли на ней бюст Константину Устиновичу Черненко. Прописанных в домах «под снос» было чуть ли не по душе на квадратный метр, все они получили благоустроенные квартиры, и всё равно счастливых было ничтожно мало по сравнению с «обездоленными» посетителями шашлычной. Лишённые любимого заведения роптали. Народ не замедлил откликнуться. По городу загуляла фраза: «Где стол был яств, там бюст стоит». Говорили, что запустил её какой-то журналист. Намеркали, что знают конкретного автора, однако имя не называли. Времена были более-менее свободными, но про срок а за анекдоты ещё помнили. Впрочем, эпиграф к одной из глав «Дубровского»: «Где стол был яств, там гроб стоит», — знали не только журналисты. Народ в те годы был начитанным.

Установка бюста несколько не противоречила советским законам. Константина Устиновича в связи с семидесятилетием наградили второй Звездой Героя Социалистического Труда. Недаром же он успешно работал в молодости под руководством будущего пятирежды героя Брежнева. Но без нарушения регламента обойтись не смогли. Бюст должен был стоять на родине Героя, в деревне Большая Тесь, которая, к несчастью, давно находилась на дне Красноярского моря. Бывшие завсегдатаи шашлычной подшучивали, что для восстановления исторической справедливости бюст необходимо перенести на законное место, только раскошелиться на водолазов никто не хотел, да и не по карману была такая акция рядовым любителям пива.

От бессилия люди частенько перестают контролировать себя и творят явные глупости. В одну из ночей на голову Героя вылили ведро краски. Бюст срочно закрыли холстом, демонтировали и спрятали в краеведческом музее. В это время столицу Катэка Шарыпово переименовали в Черненко. Бюст хотели перевезти туда, но пока собирались, городу вернули «девичью фамилию» (вслед за Набережными Челнами и Рыбинском). Тогдашний губернатор Зубов подарил бюст главе администрации Новосёловского района. Выставлять его на всеобщее обозрение после ведра краски чиновник не рискнул и держал бюст у себя в кабинете. Может быть, в трудные минуты советовался со старшим товарищем, как управлять районом, — всё-таки человек пусть и недолго, но возглавлял крупнейшее в мире государство. Когда бури утихли, было решено вернуть вождя его бывшим подданным. И народ воспринял это без возмущения, даже с гордостью: всё-таки единственный земляк,

сумевший сделать такую головокружительную карьеру.

А недовольные, как это часто случается, роптали не по адресу. Шашлычная была обречена. За два года до того, как Черненко получил вторую Звезду, по инициативе главного архитектора города Демирханова начались работы по проектированию большого ансамбля на Стрелке, и здание Катэкии должно было стать символом Красноярска. Честолюбивые краевые власти подержали смелого архитектора. Стометровая свеча могла стать самым высоким зданием за Уралом. Но скоро сказка сказывается, а с делом — постоянные непредвиденные сложности. Опыта не хватало. Сначала навалилась масса вопросов по фундаментам. Потом оказалось, что у нас нет крана, способного поднять груз на стометровую высоту. Стали искать выход. Узнали, что армянские строители разработали поэтапную технологию монтажа высоток. Поехали учиться в Армению. Освоили, преодолели — для сибиряков невыполнимых задач не существует. Начали строительство в восемьдесят третьем году, а закончили в восемьдесят девятом. И тут грянула перестройка — закончились деньги. Стройку заморозили.

В народных глубинах родилось очень точное имя для гигантского шедевра — *недоскрёб*. И стоял этот памятник советской архитектуры, похожий на фаллос, как символ недостроенного коммунизма, провоцируя домыслы и легенды.

Когда Катэкии перестал существовать, здание выставили на торги. В смутные времена не до рискованных дорогих вложений. Покупатель нашёлся только в 2007 году. Начал переделки под свои цели и на свой вкус: убрал «шляпу», венчавшую здание, облицевал голубым стеклом. Но и у него закончились деньги.

И всё-таки выбор места для бюста был неслучаен. Он должен был придавать будущему архитектурному шедевр политическую солидность. После торжественного открытия возле бюста, по примеру крайкома, а если смотреть дальше — и Кремлёвской стены, были высажены голубые ели.

За долгие годы строительства ансамбля рядом с «недоскрёбом», без лишнего шума и суеты, возник китайский торговый центр — весьма популярное место для горожан. И получилось, что голубые ели, если верить в пророчества красноярского писателя Эдуарда Русакова, у которого в рассказе «Комендантский час» левобережье Красноярска находится на территории Китая, символизируют вовсе не кремлёвскую власть. Впрочем, ёлки успели постареть, голубизна иголок угадывается уже с трудом, зато ржавчина отмирающих веток, как перхоть в больших волосах, становится всё заметнее.